

МИЛЫЙ ДРУГЪ

ПОВѢСТЬ ГЮИ-ДЕ-МОПАССАНА.

V *).

Прошло два мѣсяца; наступалъ сентябрь, а быстрое обогащеніе, на которое надѣялся Дюруа, все еще не приходило. Его главнымъ образомъ безпокоило нравственное ничтожество его положенія и онъ не видѣлъ, какимъ способомъ доберется онъ до тѣхъ высотъ, на которыхъ находятъ уваженіе, власть и деньги. Онъ чувствовалъ себя замкнутымъ въ ничтожномъ ремеслѣ репортера, замурованного въ немъ, такъ что и выхода не предвидѣлось. Его цѣнили, но держали на почтительномъ разстояніи. Самъ Форестье, которому онъ оказывалъ тысячи услугъ, не приглашалъ его больше обѣдать и вообще обращался какъ съ подчиненнымъ, хотя и продолжалъ быть съ нимъ на ты, какъ пріятель.

Время отъ времени Дюруа, правда, удавалось помѣстить статью-другую, и такъ какъ онъ теперь набилъ себѣ руку, то не рисковалъ больше, что статью забракуютъ.

Но отъ этого и до того, чтобы стать властнымъ сотрудникомъ и писать хроники, когда только ему вздумается, или же печатать политическія статьи, было такъ же далеко, какъ ѣздить по Булонскому лѣсу кучеромъ или же бариномъ. Всею больше, унижало его то, что онъ чувствовалъ, что двери свѣта для него закрыты, что у него нѣтъ свѣтскихъ знакомствъ, что

*) См. выше: мартъ, стр. 245.